

ВТОРОЙ ТОСТ:

За нашу маленькую страну,
за Израиль!

Земля отцов, известная давно,
Земля, обильно политая кровью,
Возделанная с болью и любовью –
Не потому ль так вкусно здесь вино?

Мой дед Абрам, а прадед Хаим –
Еврейские простые имена.
Налью бокал вина,
 скажу тебе: «Лэхаим,
Моя многострадальная страна!»

Пигуа

Это было 2 марта 2002г. Мы смотрели по телевизору футбол. Внезапно экран разделился пополам. На одной половине продолжали показывать футбол, а на другой – последствия теракта в Иерусалиме на исходе субботы.

Тишину разрывает вой истошный сирен,
На пригорке у школы расцветает сирень.
Ты пошла в дискотеку, не вернулась назад,
Потому что пигуа, или проще, теракт.

Разве можно увидеть в какой-либо из стран
Вертикальной чертою разделенный экран?
И во сне не приснится эта страшная новь:
Справа рвутся к воротам, слева – слезы и кровь.

Люди в черной одежде, честь им, честь и хвала,
Собирают в мешочки то, что были тела,
А в глазах уцелевших – унижение и боль,
И вопрос без ответа, наш извечный: доколь?

Он взрывает автобус, он стреляет в людей:
В незащитных прохожих, в стариков и детей.
Из музея чудовищ – рядовой экспонат,
Хладнокровный убийца, узколобый фанат.

Что у нас происходит, не легенда, а факт,
Ежедневно пигуа, а по-русски – теракт.
Такова наша жизнь, хочешь верь иль не верь,
Убивают евреев, лишь за то, что еврей.

Мёртвое море

Крутые библейские горы,
Вточь лунный, пустынный пейзаж,
Лишь Мёртвого моря просторы
Слегка оживляют коллаж.

Как Мёртвое море красиво!
В ладонях безжизненных гор
Лежит бирюзовое диво,
Лаская приветливо взор.

Не встретишь в том море русалок,
Обманчива водная гладь,
Хранит море много загадок,
Но страшно в пучины нырять.

Глубинным разломом рождённый
В похмельный, озлобленный час,
Расствор едко-горький, солёный,
Совсем не похожий на квас.

Но лечит различные хвори:
Экзему, запор, геморрой...
Страдальцы Содома, Гоморры
Сюда устремлялись толпой.

И Лот, потеряв жену, в горе
Решил здесь окончить свой путь.
Эх, море, безрыбное море,
Где даже нельзя утонуть!

Напиток испробовав винный,
Невольно Лот грех сотворил,
И ангел печальный с вершины
За мерзким поступком следил.

Пятничный вечер

Догорает зарево заката,
Растекается давящий зной,
И луна немного виновато
Заслонила белая кисей.

Всё длиннее от деревьев тени,
Умолкает вечный рёв машин,
Лишь скрипят усталые ступени
И кричит о чём-то муэдзин.

Затянулись синей дымкой дали,
Но вечерней сполохи зари
Эстафету дальше передали,
И зажглись ночные фонари.

Потянулись старцы в синагогу,
На свиданья девочки бегут...
Ну, а я прошёл свою дорогу,
И нигде меня уже не ждут.

Саломея

Роскошный пир. Царь Ирод, свита, гости,
Вино и мясо, фрукты и халва,
И среди блюд, как будто на погосте,
Крестителя лепная голова.

А в зале запах редких благовоний,
И едкий запах пота и мочи,
И ржут надсадно, кровь учуя, кони,
Стоят солдаты, обнажив мечи.

Танцует упоённо Саломея,
Все покрывала скинуты давно,
А гости, возбуждаясь и хмелея,
Как воду, пьют заморское вино..

Танцует обнажённой Саломея,
Легки движенья длинных белых ног,
И руки извиваются, как змеи,
И губы шепчут: «Мною пренебрёг...»

Обижена, разгневана царевна,
В ней тёмных чувств бушует океан,
Не жаль отдать полцарства ей, наверно,
Чтоб видел этот танец Иоанн!

Танцует дикий танец Саломея,
Он не похож на танец живота,
И распалясь, собою не владея,
Целует жадно мёртвые уста.

Танцует исступлённо Саломея,
За танец ей заплачено сполна.
И с горечью, взойдя над Иудеей,
Глядит на пир багровая луна.